
АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

ДОНБАСС

РОМАН-ОТРАЖЕНИЕ

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

**НЕНОРМАЛЬНАЯ
ВОЙНА**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *И. Варавина*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Ненормальная война / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2016. — 320 с. — (Тамоников. Донбасс. Роман-отражение).

ISBN 978-5-699-89259-4

Служба безопасности Украины отправляет диверсионную группу в Донецк. Их задача — взять «языка». Командир бригады донецкого ополчения майор Борисов, к несчастью повредивший ногу, был взят диверсантами в плен и молниеносно переправлен на территорию, подконтрольную СБУ. Донецкие разведчики сразу же кинулись на поиски офицера, но потеряли его следы. Майор словно под землю провалился! Был тщательно изучен весь район, где мог находиться в плену Борисов, но ничего похожего на тюрьму или концлагерь не обнаружено. Вот только затерявшаяся в полях психиатрическая лечебница, которую в СБУ почему-то называют «Объектом Хоспис», вызывает подозрение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89259-4

© Тамоников А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2016

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.

Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

ГЛАВА 1

На клок примятого сена прыгнул кузнечик, крупный экземпляр с неправильными коленками и выпуклым узором на крыльях. Он поводит рогами-антеннами и бурым глазом уставился на спецназовца, залегшего рядом с ним.

Капитан Соколовский не любил всю эту летающую, ползающую, жужжащую, стрекочущую мелочь и с трудом подавил желание прихлопнуть его или засушить, а потом отдать кому-то из китайцев, чтобы не пропадало добро.

В первой роте недавно появились двое. Бойцы в шоке, смотрят на них как на инопланетян, перешептываются. Мол, правда, что из Поднебесной? Не напутали ли чего эти ребята?

Тут Павел шевельнулся, и кузнечик моментально дал деру.

Под загородкой занимались своими делами муравьи. Павел вспомнил, как в детстве слюнявил палочки, опускал их в муравейник, а потом тщательно облизывал. Детство рядом, никуда не делось, но никакого умиления от этих воспоминаний почему-то не приходило.

Павел подполз к загородке, осмотрелся. Сеновал невысокий, метра полтора, можно не прыгать, просто скатиться.

Жаркий августовский день был в разгаре. В лесу перекликались птицы, в пахучей траве однозвучно стрекотали всякие прямокрылые и длинноусые. По небу плыли прозрачные облачка самых разных очертаний.

Сеновал на окраине хутора выходил на запад, к быстрой речушке, глубина которой в этом месте едва ли превышала полметра. Кое-где над ней нависали обрывы, в других местах они сглаживались. На северо-запад в гору взбиралась грунтовая дорога, основательно заросшая курослепом, и пропадала в лесу. К юго-западу от речушки простиралось поле, испещренное рытвинами, — двести метров разомкнутого пространства. За лесом начиналась чаща.

Сам хутор был заброшен, здесь никто не жил, дорога к нему была не лучше упомянутой. Стрелы рассыпались, упавший забор зарос бурьяном.

За спиной капитана находилось село Покровское, но и там с населением было туго. Разве что несколько древних бабушек, которым некуда было бежать от войны.

Павел сполз, залег за замшелой телегой, из которой живописно, словно слоновый бивень, торчала оглобля. Отсюда обзор был гораздо лучше. Мешковатый комбинезон защитного цвета скры-

вал поджарую фигуру, маскировочный грим — скуластое высоколобое лицо со смешливыми прозрачно-серыми глазами.

Капитану Соколовскому недавно стукнуло тридцать три. Выпускник Новосибирского командного училища восемь лет отслужил в спецназе, из них два года на Северном Кавказе, в составе отдельной бригады. Командовал взводом, ротой.

Два года назад переломилось что-то в мировоззрении, встретилась единственная и неповторимая. Он ушел со службы, вернулся в родную Сибирь. Счастье выдалось недолгим. У этой самой единственной был изрядный список обманутых «дольщиков».

Работа инструктором по восточным единоборствам в местном клубе «Динамо» не стала тем местом, где Павел мог найти себя.

Да и с квартирой, которую он считал своей, после смерти родителей тоже стали происходить чудеса. Вдруг выяснилось, что она отходит по закладным банку. В суде равнодушно пожали плечами. Мол, все законно, ваш покойный папочка просто не на тех поставил.

Бывалый спецназовец, отдавший восемь лет на благо отчизны, оказался за бортом жизни.

Но злость копилась недолго. Грянул киевский Майдан, пламя перекинулось на Донбасс. В начале так называемой АТО погиб лучший друг, быв-

ший однополчанин. Автоматная очередь ударила по группе плохо вооруженных ополченцев, вставших на защиту маленького шахтерского городка.

Потом пришло известие, что под бомбежкой погибла тетя Галя, сестра матери, последняя близкая родственница. Поехал хоронить и обратно в Сибирь уже не вернулся. Ангелом не был, но несправедливость происходящего сильно ударила по мозгам.

Группа рассредоточилась, народ терпеливо ждал. Все парни из отряда были местными. Он отбирал лучших, не понаслышке знающих, что такое работа спецназа.

Мрачновато-ироничный снайпер-ликвидатор Серега Корвич — сгусток жил, ни капли жира, весь темно-коричневый, словно кусок пережженного сахара, — лежал в двух шагах, на краю силосной ямы и посматривал на командира через плечо.

Сзади шевелился приданный группе связист Евгений Шумский, интеллигент в пятом колене, обладатель миниатюрной окладистой бородки и малогабаритной станции спутниковой связи «Барьер-Т» — незаменимого устройства для подразделения, действующего в отрыве от основных сил. Эта штукавина позволяла приватно осуществлять любой вид связи: голосовой, текстовый, цифровой. Она весила 15 килограммов, но Шумский не был слабаком, таскал, не жаловался. По инструкции станцию всегда полагалось иметь с собой, но

если она вдруг оставалась в машине, то Соколовский закрывал на это глаза.

Шумский чертыхнулся, отпихнул от себя рюкзак с надоевшей станцией. Глубокая интеллигентность не помешала непечатному словечку выскочить из его уст.

— Пятьдесят рублей, Евгений Львович, ложите на бочку! — обрадовался Корвич.

Шумский сплюнул и промолчал. Сам позавчера в казарме митинговал громче всех. Мол, товарищи бойцы доблестного спецназа, на вашу матерщину можно топор вешать! Мы же порядочные, воспитанные люди! С текущего дня вводится правило: каждый ругнувшийся бросает в общак пятьдесят рублей. Можно гривнами, долларами, евро. Когда-нибудь в свободный день эти денежные средства пойдут на вечеринку, посвященную победившим нормам приличия. Там и будем материться вволю.

Это было что-то новенькое. Все согласились и только потом сообразили, в какую западню себя загнали.

Капитан не возражал. Почему бы не расширить свой дипломатический лексикон?

— Ладно, подловил, змей, — проворчал Шумский и не преминул поддеть Корвича: — Но я не понял, Серега, мы все-таки кладем или ложим?

Наметилась перебранка, но ее прервал треск в эфире.

Соколовский поправил наушник, постучал по микрофону. Связь в отряде была одна на всех. Каждый боец мог слышать любого, если не отдалялся на расстояние больше километра.

— Сокол, это Тимон, — забубнил в эфире Василий Вдовенко. — Мы с Пумбой сидим на дороге. Пока все тихо. Пумба спит...

— Сам ты спишь, — возмущенно заворчал второй боец дозора Анатолий Грубов. — Только что хвастался, что прекраснее этого сна ничего не видел.

— Да я вообще мало чего видел в жизни, — парировал Вдовенко. — Это была быстрая фаза сна. Она не помешала работе. Не обращай внимания, командир, развлекаемся, скучно здесь. Ты сказал, что по этой дороге пойдет важная персона, но пока даже грибник завалящий не проходил. Ты бы хоть приметы описал. Кого встречаем-то?

— Ждать! — приказал Павел. — Замаскироваться и не роптать. Я сам не знаю, кто пойдет. Важный чиновник в бегах. Ему никто не запретит быть похожим на грибника. Если кого увидите, пропустить и доложить.

— Понял, командир, — буркнул Вдовенко. — Но пасаран. Они не пройдут.

— Акуна матата, — поддержал его Грубов. — Отключайся уже, Тимон.

Павел вздохнул. Детский сад на колесиках. Опытные бойцы, у каждого на счету десятки трудных операций, а ведут себя как дети. Надо же так

вжиться в роль мультяшных персонажей. Впрочем, их детство совпало с девяностыми, когда был популярен мультсериал о смешных похождениях суриката Тимона и кабана Пумбы.

Павел невольно задумался: показывали сериал на Украине или эти два чудика видели его в записи? Он не помнил.

Парни действительно напоминали мультяшных персонажей. Вертлявый худой Вдовенко, чаще всего бесшабашно веселый, искрящийся юмором, иногда быстро уходил в ступор, из которого весь коллектив не мог его вытащить. Грубов добродушный, немного грузный, что никак не отражалось на качестве заданий, выполняемых им.

Судьба у обоих была безрадостная. Вместе учились, дружили, служили в украинской армии, когда она еще не была такой агрессивной и напичканной нацистами.

Вдовенко потерял красавицу-сестру. Каратели из «Айдара» насильовали ее всем взводом, прежде чем отрезать голову, а самый отмороженный из них выложил запись в Сеть. Вдовенко отыскал его в селе, где стоял «Айдар», обманом выманил из караулки и в лесу искромсал на кусочки. Потом он сделал связку из нескольких гранат, взорвал караулку вместе с теми негодями, которые там находились, а наутро с чувством выполненного долга пошел записываться в ополчение.

Грубов отсидел полтора месяца в застенках СБУ. Его замели в мае четырнадцатого года, когда он вел вполне добропорядочную гражданскую жизнь. Спутали с другим, приняли за «террориста». Побоям не было конца, изуверы просто наслаждались, при этом почти не кормили. Терпения хватило на неделю. Грубов выдержал бы и две, но проголодался. Вместе с ним из изолятора СБУ, расположенного в маленьком городке, бежали еще двое.

— Винни, Винни!.. — пробормотал в переговорное устройство Павел. — Доложить обстановку!

— Все спокойно, командир, — отозвался Яша Винничук. — Дорога на Гаранино свободна, посторонние лица не отмечены. Аладдин на опушке, бдит во все концы.

— Тихо здесь, — проворчал старший лейтенант запаса Рустам Боев с позывным «Аладдин». — Вижу все, даже ваш хутор. Тебя и Корвича не наблюдаю, а Женька Доцент опять ворочается, все никак угнездиться не может.

— Да врет он, товарищ капитан, не может меня видеть, издевается просто! — возмущенно пропыхтел связист Шумский.

Его голос одновременно звучал в эфире и за спиной командира. Это было забавно.

К позывному «Доцент» связиста приговорили единогласно, даже не спрашивая согласия, чтобы не умничал, когда не надо.

— Не туда смотришь, Рустам! — с упреком проговорил Павел. — Развернись на сто восемьдесят и зри в корень. Что-то мне подсказывает, что начальство темнит и в деле будут осложнения. В случае опасности в бой не ввязываться, отходить к хутору. Всем ясно?

Народ вразнобой забубнил «так точно». Даже Корвич подал голос, хотя лежал рядом и мог бы помалкивать.

В своих бойцах Павел не сомневался, знал, что будут зрить куда следует. А смешки и ерничанье делу не помеха.

Полтора часа назад капитана Соколовского срочно вызвали в штаб армейской группировки ДНР, расположенной в городке Захаровске, в шестидесяти километрах от Донецка. Задачу ставил начальник разведки группировки майор Бакатин Артур Вениаминович.

Мол, срочно, капитан, руки в ноги, думать после будем! Из Киева бежит высокопоставленный чиновник МИДа по фамилии Омельченко, завербованный полгода назад нашей разведкой. Этот чиновник — кладезь секретной информации, ходячее собрание государственных тайн!

СБУ раскрыла его в рядах свидомых мидовцев, кующих демократический престиж государства на международной арене, но в момент захвата допустила осечку, и чиновнику удалось уйти из Киева. Он бежит уже день на перекладных. Сбрасы-

вает с хвоста СБУ и военных, приближается к линии разграничения.

Погоня следует по пятам. Ее ведут бойцы добровольческого батальона «Киев-2». Они затыкают все лазейки, где может пройти Омельченко.

Местность безлюдная, лесистая, почти все села заброшены. Линия разграничения похожа на извилистую змею, рассекающую ландшафт без всякой логики и смысла.

У беглеца есть карта, да сам он из этих краев, поэтому не все потеряно. По телефону с севшим аккумулятором он достучался до кураторов, сообщил свои координаты, сказал, что чуть не вписался в облаву, через два часа постарается выйти к западной окраине Покровского по дороге, которая с севера упирается в хутор.

Другие пути отрезаны. Каратели могут перекрыть и этот. Они рыщут по полям и лесам, блокируют проход к линии соприкосновения, до которой от Покровского чуть менее двадцати верст.

Сигнал от кураторов в зашифрованном виде полетел в Донецк, оттуда — в Захаровск. Дескать, действуйте, вы ближе всех к этой точке. Срочно группу спецназа на перехват! Не так уж близко, шестьдесят верст на юго-запад, хотя грунтовая дорога, в принципе, не очень разбита.

Разведывательная группа отдельной роты спецназа, подчиненная напрямую командующему группировкой полковнику Суслову, выехала через

восемь минут. Семиместный «Ниссан» мчался, не разбирая дороги. За километр от линии раздела он ушел с грунтовки, просочился заболоченной низиной мимо постов, вышел в тыл врага. Бойцы не брезговали украинской символикой, но в этот день обошлось без радостных встреч. В Покровском и вокруг него силовиков не было.

Беглый чиновник еще не добрался сюда.

Чутье подсказывало капитану, что центр событий непременно сместится в эту точку. Он лихо-радочно обследовал местность, отправлял бойцов на дальние позиции. Вдовенко и Грубов двинулись на север и оседлали лесную дорогу. Боев и Винничук залегли на опушке за рекой и дорогой, петляющей по полю.

Юго-западное направление представлялось командиру крайне опасным. Оттуда в любую минуту могли появиться силовики.

Сам Соколовский, Корвич и Шумский устроились на западной окраине хутора и держали под наблюдением все стороны света.

Бакатин выслушал доклад о выходе группы в заданный район и не сдержал облегченного вздоха.

— Все, мужики, вцепитесь в хутор зубами, сидите тихо, как настоящие кроты, и постарайтесь не сделать ваши должности вакантными, — заявил он.

— Командир, гудит что-то, — приглушенно проговорил Боев. — Слышу звук моторов. Это